

«**К** какой снег в конце марта?» — совершенно из ниоткуда этот вопрос свалился мне на голову.

Действительно. Крупными белыми хлопьями снег засыпал мокрый асфальт, а до этого прошел ледяной дождь. Ветки гнулись от порывов ветра, едва не ломались. А ведь совсем недавно было теплее. Люди бежали на остановку, кутаясь в вязаные шарфы. Все спешили по домам, чтобы укрыться от непогоды в своем уюте.

В отличие от них я совсем не хотела домой. От одной мысли об этом предательски подгибались колени. Ничего страшного в самом доме — мебели, стенах и потолке — не было. Но страшное таилось в городе, где этот дом находился. В родном городе, откуда в детстве пришлось уехать, якобы навсегда. В оставшихся там людях. В стенах бывшей школы, которая, наверное, развалилась на части. Среди старых ферм за городской чертой и в темных подвалах полузаброшенных домов. В воспоминаниях, которые преследовали меня до сих пор. В причине этих воспоминаний.

Мама коснулась моего плеча совсем нехотая.

— Мы почти приехали, готовься выходить, — устало сказала она и достала из кошелька деньги за проезд.

По коже побежали мурашки. Не хотелось снова выходить на улицу. Уютный автобус нравился мне больше, но я не могла об этом сказать, будто воды в рот набрала. Мы вышли из автобуса, я крепко зажмурилась, поглубже вдохнула и пошла за мамой.

Заснеженную дорогу я знала наизусть. Вперед, налево, а затем снова вперед. Сбоку цветастые продуктовые магазины, а спереди — безликие пятиэтажки. Шесть домов, замыкающих широкий прямоугольный двор, заставленный дорогими машинами. Детская площадка — лестницы, качели, турники, с которых уже давно облезла краска. Вдох-выдох. Надо успокоиться. Я закрыла глаза. Пять минут, и я дома. В безопасности.

* * *

Страх медленно отступал под натиском горячего сладкого чая и теплого овсяного печенья. Пожалуй, зря я навела панику, но поделаться с собой ничего не могла. Казалось, вот-вот я встречу кого-то из *них*, меня снова назовут храбрецом и подтолкнут в спину, чтобы идти вперед. От таких мыслей становилось горько.

Чай я пила одна: родители собрали документы и отправились в единственную школу в нашем округе, чтобы устроить меня в десятый класс. Бабушка работала — дорабатывала последние дни до пенсии. Она инженер-химик и раньше вечно пропадала в своем исследовательском институте. Хотя когда-то, до смерти бабушки, многое в нашей семье было иначе: никто не пытался сбежать и занять себя работой, прогулками и важными делами. Дом казался куда дружелюбнее. Вопреки всему.

Еще один глоток горячего чая. Печенье закончилось. Я натянула рукава свитера на запястья и взглянула в окно. Двор, заставленный машинами, пустовал. На тонком слое снега виднелись редкие грязные следы — по одной тропинке к каждо-

му подъезду. Непривычное зрелище: там, где я жила до этого, было слишком шумно. Слишком людно. Слишком тесно.

Санкт-Петербург — город-миллионник. В нем слишком много «слишком», а в разнообразии, которое он предлагает, очень просто потеряться. Город, где много интеллигентных людей, вежливости и благородства, хмурый, серый и подозрительно правильный. Соответствующая стереотипным представлениям погода зимой и весной, летом и осенью. Дожди, тучи и сырость даже во время праздников и шествий. Чистота на улицах, в домах, в магазинах. Безликие государственные школы. Начало занятий ровно в восемь, пятнадцатиминутная зарядка и ни единого опоздавшего. Выглаженные брюки со стрелками, заплетенные волосы и юбки длиной «ладонь от колена!». С другой стороны Санкт-Петербурга, как с другой стороны медали, молчат.

Мама безумно влюбилась в семнадцать лет, а в восемнадцать совершенно случайно родилась я. Она страшно боялась, что у меня обнаружится какая-нибудь врожденная патология, но все обошлось. Биологический отец исчез с горизонта, как только мне исполнилось шесть лет. Было крайне сложно это принять и понять; ночью мама уставала отвечать на вопросы о том, куда он делся, а утром — успокаивать мои истерики. Всегда думалось, что его вызвали на работу, а теперь просто напросто не отпускают, потому что он слишком незаменим. Когда мне было девять, появился дядя Влад и стал моим «новым папой». Он, видимо, стал тем, кого мама хотела видеть рядом. Они вместе по сей день. Он любил ее и пытался наладить контакт со мной, как и я с ним. Но мы неизбежно ссорились, мирились и снова ссорились. Это продолжалось из раза в раз, по столь четкой схеме, что в конечном итоге все забили и перестали бороться. Зачем, если каждая новая ссора все равно приведет к уже известному концу?

Мама и новый папа жили счастливо и думали, что я — часть их счастья. Но главного родители упорно не видели. У меня никогда не было беззаботного детства. *Они* — мои верные друзья — чересчур любили играть. Нашей любимой игрой были шахматы.

Мы с семьей уехали из Белого города в середине седьмого класса, и с тех пор началась спокойная жизнь, нарушаемая лишь редкими ночными истериками и кошмарами. Тяжело было засыпать, а просыпаться — тем более. С этим помогал справиться теплый медовый чай, но он не спасал от чего-то чуть более серьезного и чуть менее обыкновенного. Порой мне казалось, что мои страшные сны воплощаются в реальности и опутывают меня чернотой. Я боялась темноты и видела в ней пугающие образы, которые даже принимала за галлюцинации. Но когда я подросла, то поняла, что ошибалась. Страх и богатая фантазия сыграли свою роль. Даже когда кошмары отошли на задний план, я часто их вспоминала и задумывалась. Голова шла кругом; порой меня одолевало ощущение, что вокруг не осталось ничего настоящего.

Я была ребенком, когда дедушке поставили страшный диагноз — синдром Альцгеймера. Бабушка делала что могла, терпела приступы агрессии и то, что ее забывает собственный муж. Она ухаживала за ним и часто плакала. Это повлияло на всех нас, ни у кого не осталось сил. И как бы это ни было плохо, каждый хотел, чтобы дедушка скорее отмучился. Когда это случилось, мне было четырнадцать. Именно тогда наша семья изменилась.

Похороны, поминки, темно-коричневый поблескивающий гроб. Кто додумался взять меня на церемонию? Душещипательные речи, искренние — или нет? — слезы по ушедшему, слова о том, каким он был хорошим и скольким помогал. В такие моменты забывают обо всех промахах человека. Так положено.

Шах и мат

Меня душила вина за то, что я практически не помнила бабушку таким, как о нем рассказывают, а помнила только его пьяные буйства, крики и то, как он грозился уйти из семьи и приводил неизвестно кого в качестве собутыльников. Единственное хорошее, что я о нем знала и в чем мы были похожи, так это то, что он был тем еще мечтателем. Хотел построить дирижабль; разрабатывал проекты; пытался совершенствовать технику, хоть она чаще ломалась после этого; горел желанием вырыть колодец и засадить огород фруктовыми деревьями. Он много чего хотел и мало что сделал. Этого никто не вспоминал. Семья не выдержала долго, и вскоре мы уехали.

Время шло. Закончился седьмой класс. Начался восьмой. Девятый. Кое-как удалось свыкнуться с жизнью в Санкт-Петербурге, пусть на это и потребовалось ни много ни мало два с половиной года. А затем мама усадила меня на мягкий желтый диван и сказала, что отца перевели по работе обратно. Жить в Северной Столице больше не выход, да и дорого. А в родном Белом городе много зелени, цветов и свежего, чистого воздуха. В этот момент сердце заплясало на ребрах чечетку, дыхание участилось, а на лбу проступили капли пота. Я коснулась его рукой, пытаясь отогнать рой панических мыслей и успокоиться. Прошло много времени. Все изменились, все изменилось. Все должно быть хорошо.

Внезапный переезд. Вещи, суматоха, машины. Снег в конце марта.

Ярко светило солнце. Верхушки фруктовых деревьев тянулись вверх. Яблок, груш и разных ягод в садах росло столько, что летом можно было сбегать из дома надолго и не голодать. Мы пользовались этим, проводя весь день на улице. Бегали по окрестностям, играли во все, что только можно было придумать. «Казачьи-разбойники», «Девять плиточек», «Классики» и «Школа», войнушка. А самое интересное — «Цепь»: это когда одна команда бежит на другую, и они дерутся до тех пор, пока все из одной команды не упадут. «Стенка на стенку». Если ты упал, подняться больше нельзя. «Прятки», и никаких девчачьих игр. В нашей компании практически все были мальчишки, а девочки девочками не считались. Кукол, плюшевых медведей и розовые машинки мы сожгли на костре за гаражами, дав своеобразную клятву верности.

Одной из наших любимых игр была «Тень». На закате, когда почти весь двор тонул в тени, мы забегали в таинственную темноту и играли в догонялки. Выбирался ведущий. Он ходил по освещенному солнцем месту, а его целью было догнать того, кто в тени. И только кто-то ступал на свет — его выбирали новым ведущим. Чаще всего ведущей была я — меня проще всего достать.

Еще у нас были любимые места, куда мы приходили раз за разом, чтобы полазить там и изучить их, узнать что-то новое.

Местный отстойник с относительно чистой, холодной водой находился в частном районе на окраине города. Его узкие берега состояли из смешанного с грязью песка, а сам «водоем» был огромной, невероятной по размерам бетонной ямой с резким обрывом и дурной славой. Немало детей, да и взрослых тоже, утонули, купаясь там. И многие старались избегать этого места, но нас подобное притягивало. Опасность и дурманящий риск. Чувство бесстрашия. Мы шли туда, ловили лягушек и крупных жучков, а затем привязывали их за лапки к мелким камням и, соревнуясь, кидали в воду. Смеялись, спорили, кому удалось закинуть дальше и у кого было больше «блинчиков» на воде.

Однажды я остановилась и посмотрела на маленькую скользкую лягушку и на ее странно выгнутую лапку.

— Может быть, мы не будем кидать их с камнями? Они же утонут.

Высокий темноволосый мальчишка — старший из нас — перевел на меня насмешливый взгляд, после чего сжал лягушку в руках, прицелился и пустил ее в воду.

— Тебе их жалко?

— Конечно, Максим! Так делать нельзя, они же не смогут всплыть, мы убиваем их!

Я подошла ближе к краю.

— Ты слишком мелкая для таких развлечений. Ты ничего не понимаешь.

— Неправда!

— Правда! — Максим нахмурился и приблизился ко мне. — Слишком мелкая, чтобы понять, что это весело.

— Но это не весело...

Шаг назад — и падение в отстойник станет неизбежным. Рядом столпились ребята.

— Будет веселее, если мы кинем в воду тебя?

Я мотнула головой и съежилась.

— Испугалась. Тебе страшно? — Максим хмыкнул и кинул мне камешек.

— Мне никогда не страшно!

Они запомнили эти слова, каждый из них. Они видели, что я испугалась. И даже после того как мы ушли оттуда, после того как забавы с лягушками перестали быть интересными, они не давали мне этого забыть.

Еще мы любили подвалы — темные, холодные и сырые, со множеством поворотов, с противным запахом, с протекающими трубами, странными звуками, мошками, крысами и кошками. Егор всегда рисовал их планы, записывал адреса и не упускал ни одной детали. Он шел первым, а мы — за ним. Если же какой-то подвал казался ему особенно жутким и противным, он отказывался и первой пускали меня. Потому что, говорили друзья, я юркая, храбрая и не боюсь запачкаться. Это было не так. За запертыми дверьми, в замкнутом пространстве подвала, с тусклым детским фонариком в руке, мне было очень страшно. Фонарик часто мигал и не мог осветить всего вокруг. Я выходила из подвала грязная, покусанная мошками, в синяках, ссадинах и едва ли не в слезах. А после, твердя себе о своей смелости, я садилась на колени перед лавочкой и рисовала план подвала вместо Егора. Он весело улыбался. А другие смеялись.

* * *

Однажды мы играли во дворе в «Московские прятки», когда внезапно к нам с радостными криками прибежала Аня.

— Эй! Егор, Максим, вылезайте из-под машины! — Она усе-лась на беседку и поманила всех рукой. — Саша! Женя, слезь с дерева! У меня такая идея! Ромка! Настя!

Перестав считать, я открыла глаза и оглянулась. Ребята с недовольными вздохами сели на лавочку и устали на Аню.

— Ну, выкладывай! — Сашка почесал светловолосый затылок.

— В моем доме есть колясочная на первом этаже. Там ставят всякие коляски и детские велосипеды, чтобы не хранить их дома. Должны ставить. Но... — На ее лице заиграла веселая улыбка. — Наша пустует! Ни у кого из дома нет ключей от двери! Вы представляете? Я пошла за дом, чтобы помочь бабушке с морковной грядкой, и увидела там балкон. Он спрятан за нашей вишней. А если мы захватим его? Залезем туда, взломаем дверь, уберемся и...

— И сделаем там наше тайное место. Склад интересных вещей. Невероятное скопище прекрасностей! — закончил Максим с предвкушающей улыбкой.

Идея пришла всем по душе.

— А как же наши прятки?

На меня обратились недовольные взгляды. Рома вздохнул и пихнул Женю в бок, мол, давай вставай.

— Это куда круче детских прятков! — гордо сказал Максим, вздернул нос и кивнул Ане. — Веди нас! Жень, сходи к моей маме домой и возьми метлу с совком. Остальные идите с нами.

Женя кивнул и убежал, а мы двинулись к нашему будущему складу. Его защищали от чужих глаз густые кроны шпанки и вишни. Мы еле забрались на балкон — он находился на уровне первого этажа, но уцепиться было не за что. Пол был весь замусорен: тут валялись какие-то деревяшки, щепки, железяки, листья, осколки, бутылки и окурки. Пришлось это выгребать. Требовательный взгляд Максима упал на меня, как на самую бесполезную.

— Неси пакеты для мусора!

— Но почему я?

— Неси.

Я послушно пошла за пакетами. Отчего-то было не по себе.

К моему возвращению весь мусор выгребли на землю. Рома с интересом разглядывал цветное стекло, но отвлекся, увидев меня.

— Почему ты так долго? Давай убрать это. Отнесем на свалку.

— А где все?

Он скривился и бросил стекляшку в общую кучу.

— Максим и Саша внутри, уже сломали дверь. Женька ушел домой, а Егор и Аня пошли в магазин за лимонадом.

Почему-то казалось, что на уборку мусора ушла не пара часов, а целый день. На уборку внутри — еще один. А на то, чтобы принести в наш тайник самое необходимое, — еще пара дней. К концу жаркого дня обои были ободраны, а голые стены — разрисованы краской из баллончиков. Каждый оставил подпись и добавил в «дизайн» нечто свое. У стены стоял старый-старый советский диван, который недавно вынесли на улицу. Максим и Женя, как самые сильные, приволокли его сюда. Хорошо, что он был небольшим. Я принесла из дома плед, за пропажу которого потом получила. Теперь можно было садиться на диван без опаски. Саша нашел в гараже отца раскладной столик — подарок от какой-то пивной компании — и два маленьких-премаленьких самодельных стульчика. Газеты послужили скатертью. Стало намного уютнее, наше убежище даже напоминало штаб какого-то военного отряда или команды супершпионов. Мы были горды собой. Дело оставалось за малым — интересные вещи.

Первыми появились старые-старые шахматы. Их принесли Егор и Аня, вернувшиеся из магазина с тремя бутылками лимо-

нада, фломастерами и альбомом — наверняка для рисования новых карт. Они расположились на стульчиках, разложили все принесенное и открыли коробку с шахматами. Максим поставил диван у стола и вальяжно расселся, с интересом глядя на шахматы. Естественно, он знал, как в них играть. Его дедушка, вечно чинивший велосипеды во дворе, был прекрасным шахматистом. Сашка заулыбался и поправил кепку, после чего залез на спинку дивана, говоря, что так лучше видно. Я засмеялась и села рядом с ним, но после все равно скатилась вниз, к Максиму.

— Кто знает, как в них играть?

Аня заправила прядь своих ярко-рыжих волос за ухо и улыбнулась.

— Я видела, как бабушка играла с моей мамой!

— Но нам нужны правила! — скривился Саша и спрыгнул вниз, отчего диван жалобно закрипел. — Это что, просто сидеть? Скучно же.

— Не скучно, — хмыкнул Максим и принялся доставать фигуры. — Очень даже нет! Игра очень крутая. Там есть короли, слоны, ферзи...

— А кто такой ферзь? — Я подседа ближе.

— Это королева. Она называется ферзь. А еще там есть кони, и пешки, ладьи... Каждая фигура ходит по-своему. У каждой свое предназначение. Шахматы похожи на сражение двух королевств в Средневековье! Надо поставить шах и мат королю, тогда ты победишь. Это когда король будет под неизбежным ударом.

У него было такое увлеченное, довольное лицо, что я невольно восхитилась, уже не в первый раз. Скоро фигуры были ладно расставлены по черным и белым клеточкам.

— А какая роль самая сильная? — Аня удивленно взяла короля и покрутила его в руках.

— Фигура, — поправил Максим. — Я думаю, что король и ферзь. Они бесценны в игре. Потом идут слоны, ладьи, кони... А потом — пешка. Она самая слабая и самая уязвимая. Но пешка — основа шахмат! Она может стать незаменимой помощницей и превратиться в любую из фигур.

— А как это? — удивилась я.

Неужели простая пешка — рядовой воин — может стать кем-то значимым?

— Это называется превращение. Но... это случается редко и не всегда нужно. Происходит превращение в самом конце. В энд-шпи-ле, — по слогам произнес он, — это заключающий этап игры, когда фигур остается мало. Но я думаю, пешка должна оставаться пешкой. — Максим слегка нахмурился, складывая брови домиком. — Кто-нибудь сыграет со мной?

— Давай я! — Сашка прыгнул с дивана и, сев напротив Максима, сделал первый ход.

Все внимательно наблюдали за ними.

— Как глупо с твоей стороны, — усмехнулся Максим и взглянул на своего противника. — Я сейчас убью тебя! Вот.

И действительно, через два хода конь Саши оказался повержен. На его лице отразилось недоумение, а на щеках Максима появились ямочки. Рома взял черный фломастер и записал «1:0».

— Это легко.

— Правда? — Егор достал альбом и принялся рисовать путь прохода к нашему тайному складу. — А если... А если и мы с вами как фигуры из шахмат? Целая команда! А весь мир — наш противник, которого мы должны узнать и победить. Будем побеждать раз за разом. Чур, я тогда буду ладьей! Она широко шагает, в любые стороны. Как и я.

— Хм...

Кажется, идея пришла многим по вкусу. Мне тоже захотелось узнать, кем я буду.

— Тогда я — король! — Максим гордо хлопнул себя по груди и ухмыльнулся. — А ты, Саш, будешь... конем! Вместе с Ромкой. Коня всего два в команде. Анька будет ферзем! А Женя слоном. Он вечно ищет пути попроще.

Мы все рассмеялись, тут я задумалась.

— А кем быть мне? Слоном? Их же тоже два!

— Нет. — Максим задумчиво поднялся. — У нас нет пешек. Ты будешь пешкой.

— Но почему? — Мне стало грустно, ведь пешка — самый слабый воин на шахматной доске. И ее никогда не боятся потерять.

— Потому что у нас нет пешки. А ты самая мелкая и самая храбрая, — он довольно засмеялся, — поэтому ты будешь идти впереди.

Если бы мне тогда, в далеком детстве, сказали, что эти слова будут решающими, что они повернут историю моей жизни и заставят смотреть на мир иначе, не так, как надо, я бы вряд ли поверила. Тогда это казалось игрой. Веселой игрой, в которую может играть каждый. Которая когда-нибудь прекратится, и все станет на свои места.

— Отличная роль для тебя. — Аня хихикнула и снова взглянула на шахматную доску. — Вы не голодные? Я сейчас таких пирожков могу принести! Мама испекла!

— Пусть Настя идет. — Саша взял с шахматной доски маленькую белую фигуру и кинул ее мне, хитро подмигивая. — Она же наша пешка.

Все засмеялись, и я засмеялась. Это показалось веселым.

Так мы будто начали бесконечную игру. У каждого появилась своя роль, «полномочия», если можно так это назвать. Максим стал нашим самопровозглашенным королем, его все слушали, и практически никто с ним не спорил, а если и находились смельчаки, то им было неприятно и больно. Его уважали